

«Душу спасает слово»

Биобиблиографический дайджест

Муниципальное учреждение
«Муниципальная информационная библиотечная система»
Информационно-библиографический отдел

«Душу спасает слово»

Александр Кокшилов

Биобиблиографический
дайджест

Волжский

2020

ББК 91.9 : 83.3(2Рос-4Вог-2Волж)

Д 86

Составитель

Светлана Владимировна Смирнова

Д 86 **«Душу спасает слово». Александр Кокшилов :**
биобиблиографический дайджест /МУ «МИБС»,
Информационно-библиографический отдел ; [сост. С. В.
Смирнова]. – Волжский, 2020. – 30 с.

Издание предназначено для педагогов, студентов и учащихся средних школ, библиотекарей, а также всех любителей поэзии.

ББК 83.3(2Рос-4Вог-2Волж)

Содержание

<u>От составителя</u>	4
<u>Поэт о поэзии и о себе</u>	5
<u>"Среди поэтов дураков нет"</u>	5
<u>Рядом с музой шесток : субъективное о личном, о поэзии</u>	7
<u>О творчестве Александра Кокшилова</u>	18
<u>Волны времени в масштабе личности</u>	18
<u>Духи воскрешения в лирических мирах А. В. Кокшилова</u>	19
<u>Александр Кокшилов: русский поэт на стрежне исторического времени...</u>	21
<u>Стояние на миру.....</u>	26
<u>Произведения А. В. Кокшилова</u>	28
<u>Литература о жизни и творчестве А. В. Кокшилова</u>	29

От составителя

Биобиблиографический дайджест «Душу спасает слово» посвящен жизни и деятельности известного волжского поэта Александра Витальевича Кокшилова.

Библиографическое пособие состоит из двух разделов. В первый входят беседы и записки самого поэта, второй раздел включает статьи о творчестве А. В. Кокшилова.

Отбор материалов закончен в октябре 2020 года. При составлении пособия были использованы краеведческий фонд, каталоги и картотеки Центральной городской библиотеки, Интернет ресурсы.

Библиографическое описание дается в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления».

Биобиблиографический дайджест адресован библиотекарям, работникам учреждений культуры, преподавателям и учащимся, краеведам, а также всем интересующимся поэзией.

Александр Витальевич Кокшилов родился в 1945 году в Заволжском районе Ярославля, в поселке Сортировочная (Резинотехника) в рабочей семье. В 1963 году окончил школу № 41, три года служил в армии радистом в Заполярье, в Норильске. Вернуться из армии пришлось уже в город Волжский, куда его родители переехали в 1965 году. Отец работал на только что введенном в строй заводе РТИ, на этом же заводе начал свою трудовую деятельность и Александр, стал бригадиром, начальником участка. Позже работал на Трубном заводе, тоже пройдя путь от рабочего до мастера смены.

Получив гуманитарное образование, А. В. Кокшилов много лет проработал старшим редактором Нижнее-Волжского книжного издательства в Волгограде. Был учителем в средней школе, преподавал журналистику в Гуманитарном институте. Журналистикой занимался профессионально (член Союза журналистов СССР и РФ), печатался в местных газетах, а криминальные рассказы А. В. Кокшилова были собраны в книгу «Казнить нельзя помиловать».

Окончил Волгоградский пединститут, Литературный институт им. Горького Союза писателей СССР, по словам поэта, «оба заочно, но не без пользы».

Поэтическая биография А. В. Кокшилова складывалась достаточно успешно. Первое его стихотворение было опубликовано еще в 1964 году в газете Сибирского военного округа Новосибирска.

В 1979 году стихи Кокшилова напечатали журнал «Юность» и газета «Комсомольская правда». Он стал одним из победителей Всесоюзного поэтического конкурса, организованного «Комсомолкой», и в поэтическом сборнике «Родник» было опубликовано несколько его стихотворений.

Первые поэтические книги вышли у А. В. Кокшилова еще в советское время в Нижне-Волжском издательстве: «Морзянка» в 1979 году, а в 1987 – «Необходимость». В 90-е годы были опубликованы «В единственном числе», «До самосожжения сердца», «Обрыв».

А с 2000-го поэт стал почти ежегодно выпускать по книге, и сейчас он автор 24 поэтических книг, в том числе трехтомника стихов и поэм. Печатается А. В. Кокшилов и в журналах: «Наш современник», «Отчий край».

Поэт о поэзии и о себе

Кокшилов А. "Среди поэтов дураков нет" : [беседа с волжским поэтом А. Кокшиловым] / записала Е. Томская // Волжская правда. - 2019. - 30 янв. - С. 8.

Александр Кокшилов постоянно держит в голове 1600 своих произведений.

Его по праву называют мэтром волжской поэзии: член литературно-издательского совета города, он участвует в работе фестиваля-семинара «Новое слово». В литературном багаже Александра КОКШИЛОВА более 20 книг, сотни публикаций в периодических изданиях. Сейчас готовится к выходу новый сборник поэта - «А до неба душою подать». «Объём произведений у меня уже вдвое больше, чем у Пушкина», - заметил мимоходом Александр Витальевич. С великого русского классика и начинаем разговор.

В ШКОЛЕЯ БЫЛ ДВОЕЧНИКОМ...

- Маяковский писал: «Я себя под Лениным чищу...», а вы, наверное, под Пушкиным?

- Ни под кем. Авторитетов у меня давно нет, но есть школа классической русской поэзии, и я - её прилежный ученик. Учился у русских поэтов: Пушкина, Есенина, Маяковского, Рубцова, Владимир Соколова - интуитивно выбирая из их строчек то, что мне ближе. В восемь лет я написал первые четыре строки, причём неплохие, потому что помню их до сих пор:

Осенью дождик стучит
 в окошко,
Каплями бьёт по стеклу.
Осенью грустно всегда
 немножко

По солнцу и по теплу.

Я двоечником был в школе, тем не менее рифмы приемлемые, насчёт размера я не ошибся, у меня музыкальный слух, да ещё и баритон, пою хорошо...

- А когда состоялась первая публикация?

- Во время службы в армии. Мне было 19 лет, я постеснялся подписать стихи своей фамилией и отправил в газету под именем друга.

- Что вы почувствовали, когда увидели газету?

Удивление. Пришла мысль: «Ну, значит, не совсем это плохо, раз напечатали». Эта публикация меня приободрила и утвердила в мысли стать поэтом. Так что, отслужив, я подал документы в Литературный институт и поступил с первой попытки. Конкурс был огромный: из 6000

претендентов отбор прошли 200 человек, а приняли всего 80, из них поэтов – 36 человек.

- И сколько же состоялись как авторы?

- Двое: Валентин Денисов из Свердловска и Миша Анищенко из Самары. Кого-то из однокурсников в процессе учёбы отчислили за профнепригодность: перевели на филфак МГУ. Можно было вылететь из вуза и за плохо написанный диктант. Тексты были сложные. Уж на что я с русским языком дружу, да и читарь хороший, парочку трояков получил. Хотя на выпускном курсе стал писать на четвёрки.

Я - ЗА РЭП

- Что важнее для поэта, талант или труд?

- И талант, и труд, и жизненный опыт. Я не знаю ни одного поэта, начиная с классиков, кто не был бы яркой личностью. Эти качества характера должны быть в генах заложены. Вот, например, Павел Великжанин: это ведь именно я несколько лет назад дал в «Волжскую правду» подборку его стихов. Он способный сочинитель, я возлагал на него большие надежды, но... с жизненным опытом у Павлуши пока слабо. Не знаю, состоится ли он как поэт. Я бы не состоялся, если бы не было в моей судьбе литинститута, занятий в литобъединении «Поиск», которые вёл поэт Юрий Окунев. Сегодняшние интернет-поэты, к сожалению, варятся в собственном соку: выкладывают стихи на сайтах, хвалят друг друга, а литературной учёбы-то нет... Учиться нужно постоянно, я до сих пор совершенствуюсь, читаю... Потому что среди поэтов дураков нет. Ещё Пушкин говорил, что сочинитель должен обладать умом государственным. А откуда этому взяться в Интернете?

- Вы слушаете рэперов?

- Я обеими руками за рэп – это новая форма, рассчитанная на определённого слушателя. Если это талантливо, нужно дать возможность ребятам выразить себя. Но – только если талантливо. Я не знаю этих рэперов, иногда что-то слышу по телику, некоторые тексты довольно занимательны. А вообще это весьма специфический жанр, особенно когда рифмуют онлайн, в реальном времени – там, конечно, не нужно ждать ни высот, ни красот.

- А вы могли бы выйти на сцену и сочинить стихотворение «онлайн»?

- Нет, экспромты – это не моё. Во время творческого вечера я читаю наизусть стихи час, два... у меня в голове 1600 опубликованных сочинений, кроме последней сотни, которая ещё в работе. По объёму это уже два собрания сочинений Пушкина.

ВСЮ ЖИЗНЬ СИЖУ НА КУХНЕ

- Какое из ваших стихотворений далось вам тяжелее всего?

- Никогда не испытывал мук творчества. Иначе плюнул бы и не стал писать. Да, это работа, которая требует напряжения всех духовных сил, но без этого ты просто не можешь. Было время, когда я работал в трёх газетах

одновременно, преподавал журналистику в ВГИ и ещё стихи умудрялся писать. На сон времени не оставалось. Иду утром на работу в редакцию – и дописываю поэму в уме. А чтобы дописать, я сначала должен прочитать её с самого начала. Прочитаю, отредактирую – и дальше сочиняю.

- Я думала, творчество требует тишины, даже домашний шум мешает.

- Я всю жизнь сижу на кухне, это мой рабочий кабинет. Я сова, работаю по ночам. Могу не писать, а просто читать или думать. Поэт обязан много думать. ...Я никогда никому не завидовал – напротив, получал удовольствие от хорошо написанных не моих стихов. Жаль, молодые волжские поэты в последнее время редко дают поводы для радости.

- Как поэт выбирает тему для творчества?

- Это для начинающих литераторов сложно: идут по улице, головой вертят, думают, о чём бы написать. А для меня уже давно не существует такой проблемы. Всё в жизни – готовые строки, готовые темы, только собирай. Они приходят сами, не спрашивая. Однажды, работая над книгой, я написал 55 стихов за месяц. Это было тяжело, я похудел на три килограмма, почти не спал. В последнее время пишу по 100-200 стихов за год, хотя и это немало.

- Вы могли бы обойтись без поэзии?

- Она бы без меня обошлась. Я – нет.

Кокшилов А. Рядом с музой шесток : субъективное о личном, о поэзии / А. Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. – С. 73-322.

Несудьба моя и судьба неожиданно в нем слились

Сей заголовок – строчка из моего давнишнего стихотворения о Волжском, городе, в котором прожил полвека уже, сколько-то еще проживу, в котором совершилось-свершилось в моей судьбе «все-все», положенное человеку. Родным стал, даже уже и по могилкам на городском погосте: ушли в вечность родители, жена родная Любочка, племянник Женя (в расцвете лет). <>

Если рассказывать обо все последовательно, год за годом – где, да как, да с кем, да обо всех перипетиях и прочем, так бумаг и терпения не хватит, не Лев Толстой. А потом и времени может не хватить, жизни оставшейся. Ну а главное, Записки пишу всего лишь, можно и фрагментарно, мозаика какая-никакая сложится. Однако прежде чем перейти к фрагментам «вспомню», что уже через неделю летел я в Ярославль, на родину, по которой тоже стосковался. <>

Тот первый свой послеармейский приезд в Ярославль положил начало многим-многим последующим. И до сегодня связь с ним, с дорогими мне людьми отнюдь не призрачна. Ощущение такое, что на два дома я живу,

приезжаю не в гости, домой, где меня ждут. Ну и я никого не забываю, ни живых, ни уже завершивших свой путь земной. <>

Если анкетно по трудовой биографии, то цепочка такова, хоть и не строго хронологически: завод РТИ, родственник Опытный завод, преподавание в средней школе, пару лет в вузе, Нижне-Волжское книжное, Волгоград, издательство (старший редактор), профессиональная журналистика, социальное пенсионерство на пару с литературным трудом. Собственно, творческая биография, она вся «на пару», параллельно с трудовой, подлиннее правда, оказалась.

Образование: Волгоградский пединститут, Литературный институт им. Горького СП СССР, оба заочно, но с большой пользой.

Производственное. Не без стихов

В этой небольшой главе объединены все года моего производственно-заводского стажа, хронологически не непрерывного. <>

...Творческая моя биография шла параллельно, стихи писались, тем паче что учился я в Литинституте, единственный в нем студент от 300-тысячного города.

Как-то, будучи на весенней сессии, на втором курсе уже, зашел я в «Юность», это было уже третье, уже своими ногами, обращение в популярный журнал (второе предпринял в Норильске, получив отрицательный ответ. И поделом, я еще свою поэтическую школу проходил)... Вообще-то, я на публикацию не рассчитывал, да и не переживал никогда по подобным поводам, редакциям не надоедал, считанные разы обращался. <> Открыл Содержание, наткнулся-таки на свою фамилию... Конечно, приятно все-таки признание твоих поэтических способностей.

<> В том же году послал я небольшую подборку в «Комсомолку», объявила Всесоюзный поэтический конкурс...

<> Ничего от этой газеты я путного не ждал, вообще ничего не ждал. Оказалось, опубликовала она приличного размера статью об итогах этого самого конкурса, написанную известным советским поэтом со многими регалиями да званьями Сергеем Наровчатовым. В разделе, посвященном лирике, назвал имена трех поэтов, в том числе и мое. Как положительный и обещающий пример. Вот, мол, о любви очень многие пишут, а получается у единиц. В таком духе. <>

...Будучи на очередной сессии в Белокаменной узнал о выходе в «Библиотеке «Комсомольской правды» поэтического сборника «Родник». <> ...Все победители конкурса были представлены одним стихотворением, а Кокшилов – четыремя, по сути подборкой. Причем три из них, в Комсомолке, в рамках конкурса, не публиковались. Предисловием послужила уже известная статья С. С. Наровчатова. И вот тогда дотумкал я, кому нужно в ножки поклониться – конечно же Сергею Сергеевичу! Это он отобрал стихи, он включил в состав сборника...

Вообще, те годы оказались для меня почти урожайными: в 1977 г. в Волгограде вышел коллективный сборник «Рукопожатье», я один из авторов; в 1979 г. упомянутая уже первая поэтическая книжка, «Морзянка»; последовала публикация в «Студенческом меридиане»; а несколько позднее в журнале «Молодая гвардия» известный тогда критик Вадим Дементьев упомянул мою фамилию в недлинном перечне поэтов, представляющих современную молодую поэзию. «Уверенно шагает поэт-ярославец Александр Кокшилов» – эту фразу помню доподлинно. Потому что – «ярославец». Да я уже лет пятнадцать как в Ярославле не жил. <>

Поиск

<> «Поиск» «моего» состава конца 60-х – начала 70-х, это: Виктор Кудрявцев, Юрий Немухин, Юрий Мизерский, Виктор Белокопытов, Александр Рогозин, Валерий Свистунов, Владимир Денисов, Людмила Герасимова, Татьяна Брыксина, Анатолий Никоненко, Виктор Скибин, Владимир Маторин. По крайней мере, это был костяк, эти начинающие тогда поэты и сформировали впоследствии поэтическое поле, гектаров в несколько, города Волжского.

Почему в этих своих записках вспоминаю я посредством типа полуэссе некоторых своих товарищей по лиотобъединению... Все они... не только в моей житейской судьбе, но и творческой... Они очень существенная составляющая моей литучебы, периода становления меня как поэта. По сути, «Поиск» являлся литературным семинаром, как, примерно, в Литературном институте. Пожиже, естественно, общим уровнем – в Литинституте были строго отобранные.

Ясное дело, что варились мы, «поисковцы», не только в собственном соку – нами руководили, нам советовали, нас ободряли и наоборот, нас предлагали к печати и прочее, и прочее. Имею в виду руководителей «Поиска», профессиональных поэтов...

<> Но особо отмечу Юрия Окунева, моего в поэзии крестного отца... Замечательный поэт, подлинный, поэт по самой своей сути. <>

Следил, что называется, за мной Ю. Окунев, по сути, до конца своей жизни, публикации мои отслеживал. Бывало, придет в книжное издательство (жил в том же доме) и обязательно ко мне зайдет (я уже редакторствовал). Обычный вопрос, но с неподдельным интересом: «Как, Саша, пишется?»... Ю. И. Окунев – несколько лет моей литературной учебы. <>

«И Егор Исаев на коне». Литературный институт

Собственно, о поступлении в это высшее учебное заведение... мне никогда и не мечталось. Слишком уж высок был статус у него, легенды о нем ходили. <>

Тем паче что истфак окончил, высшее образование получил. Пусть и не литературное, но ведь и не техническое.

Но - случай. То бишь случайная информация из уст знакомой журналистки о том, что все мои друзья-товарищи, «поисковцы» поступали в Литературный институт, но ни один не прошел творческого конкурса. Как-то обидно мне стало. Нет, не за то, что оплошали мои друзья. Царапнуло их молчание, похожее на хитрость. <>

Работал я тогда... начальником участка, тяжело приходилось. Плюс семья, ребенок маленький. И все равно, придя домой, покопался я в рукописях и отобрал стихов тридцать - из отпечатанных на машинке экземпляров, причем не первых. И отослал на творческий конкурс в Литинститут, причем в последний почти момент - срок приема рукописей заканчивался. Решился я на акцию не из желания поступить. Хотелось бы провериться, получить документальное свидетельство своих поэтических возможностей - в виде письменного ответа: да, нет. Отослав заказное письмо, ей-богу, я не думал о нем, тем более не переживал за результат.

И вдруг. То есть в положенный срок получаю из Литинститута письменный ответ. Первая же строка гласила: «Вы прошли творческий конкурс...»

<> Ну, а в Москве все благополучно прошло: готовились как-то к каждому экзамену, баллы набирали. При моей «пятерке» по творчеству (она была негласной, но очень и очень учитывалась экзаменаторами) проблем-то особых не возникло. <>

Сказать, что Литинститут сделал меня талантливее, научил как надо писать стихи не могу. Потому что это вообще невозможно. Но вот поэтические семинары, те же разборы-обсуждения стихов безусловно способных стихотворцев из разных уголков Союза - это, конечно, пользу приносило, это и было продолжением моей литучебы. <>

<> Свою профессиональную оценку, как поэта, получил я в отзыве о дипломной работе «Необходимость», рукопись книги, которую и взял Е. А. Исаев. А оценку ставил замечательный Николай Старшинов. Без критических замечаний не обошлось. Не вызвало отклика стихотворение «Что думалось ему последний миг»: «ни нового сюжета, ни свежих строк». Показалось ему «прозаическим, тяжеловатым» стихотворение «Радиоточка, радиопост». Не все слова «стоят железно на месте».

Были отмечены и языковые некоторые неточности, и неразборчивость в области рифмы. Целый список приведен. «Возможно, это пригодится ему в дальнейшей работе над стихами... В лучших стихах «Необходимости» есть живые интонации, есть чувство, как, скажем, в стихотворенье, посвященном матери, «Я склоняюсь над твоим портретом». Сердечно, просто похорошему, конкретно. Может А. Кокшилов написать пейзаж - точно, зримо, лаконично:

Полузапущенный сад,
Редкая в полдень прохлада.
Крупные листья висят -
Ждут своего листопада.

Сколько еще проживу,
Где там, какая примета?..
Яблоком спелым в траву
Падает красное лето.

В этой скупой, экономной зарисовке есть все. И главное, за этими строчками есть даль, в которой «словам тесно, а мыслям просторно». Сказано намного больше, чем обозначено словами. Это и есть поэзия». С таким вот напутствием чистейшего русского поэта-лирика и вышел я за ворота Литинститута им. Горького СП СССР. Всю жизнь свою благодарен сердечно Николаю Константиновичу Старшинову.

А ведь все началось темным вечером: мне 8 лет, сохну-обсыхаю под простыней, капли дождевые по стеклу, ручейками. «Осенний дождик стучит в окошко...» Школьные пробы. Армейские стихи, чуть-чуть получше; первая публикация в 19 лет. Потом тропинка наискосок к «Волжской правде», в литобъединение «Поиск». Потом... Нет, это только представить, сколько уже было за спиной – и безо всякой гарантии. И ведь не бросил! Литинститут – высшая лига для таких вот, как я, пробовавших себя в слове с малых лет. Спасибо Ю. Окуневу. Спасибо О. Плебейскому. Спасибо Л. Кривошееенко. Спасибо Вас. Макееву. Спасибо В. Сидорову, В. Милькову, Е. Исаеву. Любой поэт обязан многим, многим, многим. Имя им Почетный легион...

Творческие кризисы

До сих пор все вроде бы шло у меня по восходящей, в самом деле уровень какой-никакой появился, поэтический, естественно. Даже хвалили. И вдруг... Где-то за год до окончания Литинститута случилось прежде невероятное – все мои стихи мне разонравились... Все рухнуло, руины вокруг, безнадега. Моя поэзия для меня умерла. Скоропостижно и без отпевания. <>

Сейчас вот думаю, попади я тогда под трамвай, случайно совершенно, без Воланда – и что? Что от меня осталось-то бы – пара сотен «обычных» стихов? А таких многие тысячи, авторов таких великое множество. Это я сейчас знаю: из кризиса либо выходят, либо нет. И попавшему в него, как в дыру черную, исход не ведом. <>

<> Закончился кризис в 1990 г., почти так же внезапно, как и поразил. Где-то за полтора года написал я порядка восьмидесяти стихов, ставших книгой «В единственном числе». Сплошь любовная лирика – от обожания до, извиняюсь, остервенения... Я исследовал «тему», можно сказать, всеаспектно, до нюансов. Конечно, поэтически. Закончив, убедился, что не ошиблись, назвав меня лириком, ни Вас. Дьяченко, ни С. Наровчатова. Хотя, считаю, что диапазон мой поэтический пошире; по крайней мере, гражданские стихи входят в него достаточно свободно. В переводе на

певческий голос мой диапазон это где-нибудь две октавы, может, еще и побольше. Хватило бы для оперных партий, ну, например, князя Игоря. <>

...Поэзия бывает жестокой. Я же считаю, что состоялся как поэт в 1990 году. Силу почувствовал, ничего уже не страшно было – знал, что обрел новое качество, и уже пожизненно. Так что ко второму творческому кризису, последовавшему сразу после «В единственном числе», отнесся с пониманием, философски, без паники. И стихи мои мне не опротивели.

Второй кризис длился тоже пятилетку целую! Советский Союз прекратил существование, жизнь перевернулась «как гончарный круг», устои рушились... «Мое» книжное издательство оказалось государству новорусскому обременительным, «лишним» - исчезло. Как и все остальное. В доме почти нужда. Я преподаю в средней школе русский язык и литературу (две ставки с половиной, на износ!); потом – журналистика: в трех газетах сразу публиковался, и на жизнь хватало «токо-токо». Любаша подрабатывала...

Казалось бы, «материала» для поэта выше крыши, пиши, тем паче, что «наболело», озвучивай гражданскую свою позицию «по мандату долга». Да и по-человечески. Меня же натурально заклинило, застопорило. Второй кризис. <>

Два кризиса – 10 лет, потерянных для творчества. Впрочем, как бы потерянных. Кризисы, это тоже немаловажная составляющая творческого процесса, возможно, локомотивы. Для меня по крайней мере. Из них я выходил сказочным Иванушкой, искупавшимся в горячем молоке – помолодев, поднявшись профессионально еще на парочку ступеней.

В январе 1998 г. лег в больницу, «сердце». И вот там-то, в ней-то... Пошли стихи, поэмы. И никаких больше кризисов, все вперед и вперед – до сегодняшнего дня. Что ни год – новая книга. По сути работалось-писалось год за три. Все я выполнил, еще и перевыполнил. Вообще не думая, однако, об этом. <>

Всё вокруг, всё готовые строки

2005–2016 гг., это два однотомника из десяти книг плюс еще одна, вышедшая в этом году, «Это я». Более тысячи стихов, две поэмы. Куда еще то. Со всем предыдущим – выше крыши. И ведь не спешил, не форсировал, за стол себя не усаживал. Тем паче что до сих пор пишу в основном «в уме». Вспоминается О. Мандельштам: «Во всей России только двое пишут «с голоса»: Павел Васильев и я!» Понятное дело меня-то, рядом не было – как-то не успел. <>

Хочу теперь пробежаться по книгам-изданиям за указанные годы, ибо в них солиднейший кусок-отрезок моей творческой биографии, совпадающей, естественно с обычной житейской. Хотя о житейской все вроде сказано: срок дожития. Есть такой канцелярский термин, в ведомстве, например, немилосердной О. Голодец. Собственно, и творческая биография как бы перед шлагбаумом, который, похоже, уже не поднимется

- шлагбаумщик уволился, дороги дальше нет. Только тропка, по сторонам подорожники.

Отмечу, как общее для всего этого периода, следующее: книги, если их выстроить по годам, тематически не отличаются, по сути одна от другой. Но и не повторяют. Новизну каждой книги вижу в поэтически расширяющемся многообразии мира, дальнейшем его осмыслении. Конечно, «через жизнь» вкупе с творческой фантазией.

Уж не помню и когда занимался я поиском темы: а о чем бы написать? Нет проблем. Давным-давно поэзия стала для меня своеобразным потоком сознания, образом жизни. А если так...

«К вопросу о поэзии»

Вот мои и на выходе строки.
Только в них осознать удалось:
Все вокруг, все – готовые строки,
Но – в разбивку, точнее, в разброс:

Абсолютно готовые темы,
Фантастичней придумки любой.
Но опять же вне всякой системы,
Просто в воздухе сами собой.

Хватит точно на сотню тетрадок.
Все – твое, лишь осмысливай сам.
Вот беру, привожу все в порядок,
По своим расставляю местам.

По своим расставляю обратно
Сверху донизу, этак и так...
Почему получается складно?
Не выходит нескладно никак!

Вот так, примерно, и пишется. ...Данное стихотворение из книги «Январь», вышедшей в 2006 году...

Первый в ней раздел «Мои сентябри», написан в больнице. <>

Второй раздел «Улица» небольшой, в нем всего-то полтора месяца, заключительные в году.

Третий раздел, «Январь», дал название всей книге. И по заслугам. Произошло нечто невероятное даже для меня, уже испытавшего поэтические припадки, они же – вдохновенье. 55 стихотворений за один месяц! Это каторга без подмеса, – ежедневные почти стихи, иногда по три-четыре за сутки. <>

Оказывается, вдохновенье – это на износ вся психосистема и все имеющиеся в теле органы. И никакой явной сопутствующей радости... Сознательно остановиться не можешь...

<> «Скрижаль» вышла в следующем голу, в 2007-ом. Более 120 новых стихов (за год). Три опять раздела. Выдался «ярославский цикл», хотя и не задумывался. Отдельным разделом «Москва кабальная». И «ярославский» цикл, и «Москву кабальную» считаю удачами. В основном. <>

«Оберег». И опять те же 120 стихов, тоже за «истекший» год, за двенадцать месяцев. Сказка! Сказка и быль! Что ни год, то болдинский. <>

Неоднократно приходилось слышать: «Зато у меня качество!». Или: «У меня 300 стихов – и каждое!..». То есть объем написанного противопоставляется «качеству», художественным достоинствам. По-моему, люди заблуждаются или хотят оправдать подобным образом творческую свою малопродуктивность. Я же пришел к осмыслению того обстоятельства-закономерности, что и качество, и количество две составляющие таланта. То же и в живописи, и в музыке, и в скульптуре. Талант должен быть щедр на отдачу, это его природная особенность, одно из достоинств. Иначе он в какой-то степени ущербен. В самом деле, много ли мы знаем классиков-малописок? Их вообще вроде нет. <>

«Оберег», считаю, послабее предыдущих книг, меньше творческих удач. Хотя многообразие изобразительное наличествует. Стихов, объединенных хоть как-то тематически, не имеется. И все-таки «Оберег» равноправный кусок-отрезок моей творческой биографии. А год на год, известно, не приходится. Какой-то более творчески значим, какой-то менее. <>

Меня читать без удержу веселым,
Куда своим на жизненном пиру
Желательно в соседстве с валидолом –
Не рассчитаю, сердце разорву!

Я сам уже давно, увы, железный,
Как первой группы горе-инвалид...
Не за столом пишу – вишу над бездной,
И там, где сердце, все равно болит.
16.08.08

Ну, это, очевидно, от общей ситуации, реального бытия – и в России, и моего тоже. Стихов об этом в «Обереге» достаточно, как «тема» они постоянны, из книги в книгу. И конца им не видать, лучше-то, похоже, не будет... <>

А еще мне подумалось, что не следует, наверное, и дальше давать характеристику остальным моим книгам...

<> Все они вышли в издательстве Волгоградского государственного университета, с коллективом которого за последние полтора десятилетия у меня сложились добрые отношения. Я ценю как автор, как поэт (мне, конечно, приятно); в свою очередь уважительно отношусь к издательской деятельности, понимаю сложности ее, особенно в нынешних условиях. Книги выходят на хорошем профессиональном уровне, приятно в руки взять. Тиражи, однако, падают. «Оберег», 2008 г., выходил еще тиражом в тысячу экземпляров, вполне «московский» тираж; «Сердечные известия» – уже 500. Восемь лет разницы.

Отказался же я от дальнейшей характеристики своих книг, с выдачей им Почетных грамот, благодарностей в приказе, лишь потому, что все они, как и предыдущие, суть одна большая книга. Дело в том, что, выписавшись, выйдя на «свой» художественный уровень, поэт и остается на нем все последующие годы. То есть «все выше и выше, и выше» уже закончилось, потолок обозначился. Ну а о новизне, обязанной все-таки присутствовать в последовательно выходящих книгах, я уже свое мнение обозначил ранее. Естественно, в конце концов, по мере старения, производительность падает, процент «шедевральных» стихов (наиболее удачных, значительных) снижается. Но и в этом случае откровенных провалов не бывает – уровень есть уровень. <>

Кем стал я? – гудящей пчелой

<> Так что же такое поэзия? Ответы разные. <>

Лично я придерживаюсь мнения, что поэзия (стихотворение, поэма) создают новую реальность, художественную, которая становится объективной. Эта вторая объективная реальность становится не менее объективной, чем сущая, та, что окружает нас с рождения. Они не пересекаются. Однако художественная объективная реальность всё-таки не берется ниоткуда. Пуповина – жизнь, реальность сущая. Вот если таким образом, тогда поэзия – «отражает». Здесь надо заметить, что художественная объективная реальность может быть «реальнее» своей матушки. Ибо на весьма скромном поле способна сотворить свой целостный мир, в котором наиболее существенные явления реальности сущей предстают, так скажем, в чистом виде, более того, увеличенном, без необязательных деталей – соринки, мешающих зрению. <>

<> А разве не стала для читателей объективной реальностью «Книга про бойца» («Василий Теркин»), в которой он судит о войне. А «Бородино» М. Лермонтова? Да любой читатель скажет, что мол, так и было. Так да не так. «Бородино» – новая, художественная объективная реальность. Примеры можно множить бесконечно. Однако «что есть поэзия» стало более понятно, более зримо. Так что о стихах, поэмах можно судить, не боясь ошибиться, исходя из вышесказанного. Имеется в стихотворении указанная реальность, значит оно художественно, оно есть поэзия. В противном случае перед нами всего лишь «отображение», пусть и обогащенное поэтическими

тропами. И перед нами не поэт, стихотворец лишь, пусть даже и неплохой, культурный. Поэты – редкость, ещё Н. Некрасов обращал на это внимание, акцентировал.

«А поэтический талант, – писал он в статье «Русские второстепенные поэты», 1859 г., – хоть и не обширный, лишь бы самостоятельный, стоит десяти талантов повествовательных, потому что такие таланты редки во всех литературах...» <>

Я твой перископ из глубин

<> Моя житейская биография кончилась 2 августа 2013 года. В этот день скончалась моя жена Любаша, Любовь Степановна... Отшумело её платье, отшумела моя жизнь. Продолжилась только творческая биография, ею и жив, стихами, книгами живой. <>

Книга «Любочка» вышла через несколько месяцев после кончины её лирической героини, в том же 2013 г. В 2014 г. – «Сердечные известия», в которых были и новые стихи о моей жене, ей посвященные. Мы же не разведены. В 2015 г. вышел мой третий однотомник «Стихотворения. 2010–2014», посвятил я его, конечно же, ей, Любочке. После посвящения – стихотворение:

Хожу,
 никогда не один,
Шепчу драгоценное имя.
Я твой перископ из глубин -
Ты смотришь глазами моими.
И значит, ты в этом миру,
И значит, как прежде со мною.
И я никогда не умру,
Чтоб ты оставалась живою.

<> Уже в этом, 2016 г. вышла книга «Это я». И в ней тоже много стихов, в которых Любочка – лирическая героиня. Вот так продолжается моя живая творческая биография.

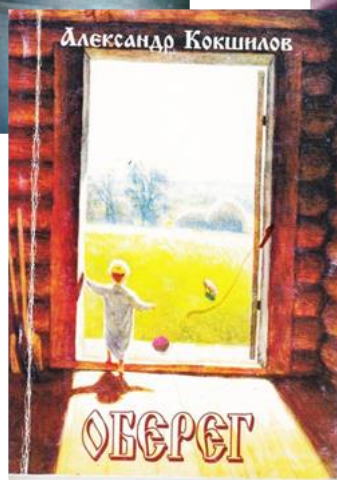
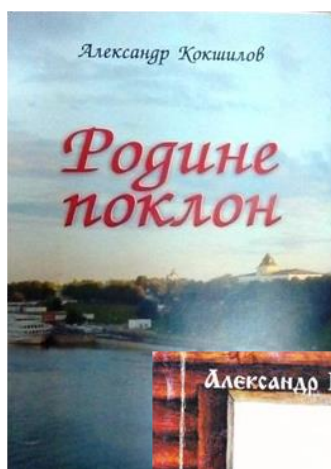
<> Я и раньше знал, а сейчас особенно, что есть, встречается в людях талант выше любого художественного, талант человечности. Такой талант я встретил у Любаши. Талант такого рода не создаёт второй реальности, становящейся объективной в сознании читателей, ему это не надо – он творит саму земную жизнь, как детей родит, без этого жизнь сущая перестала бы эволюционировать, развиваться. Человеку с таким талантом живется тяжелее, чем другим людям. Ибо он созидает и творит добро, он не огрызается, ибо терпелив, он твёрд и верен, он не изменяет... Мне несказанно повезло с моей Любашей, и сегодня без неё никуда, чтобы я вообще без неё делал, пусть и не могу уже ни увидеть, ни услышать, не почувствовать дыхания. А всё со мной, иначе бы...

<> Сказала однажды, давненько, правда, ты, мол, стал писать-то обе мне в последние годы. Без видимой обиды, опять же как констатируя факт. У меня сейчас «о Любочке» значительно больше сотни стихов. И я считаю их моим достижением в лирике. Собрать их все, из всех книг под одной обложкой. И название давно готово, родилось. Какое не скажу – боюсь сглазить трудно возможное.

<> Неправда, что поэт острее чувствует, чем «обычные» люди, горе-особенному переживает, «чувствительнее» других и прочее. Всё у него так же, как у всех, по-людски. Но дана ему способность-возможность своё личное озвучить, сделать его доступным, убедительным для читателя. И зачастую тот в авторском своём слышит, своё узнает. И станет ему немножко легче – словно сам выговорился-выплакался.

На этом и кончаю Записки, субъективно о личном, о поэзии, бессюжетно-бессистемное. Конец и вовсе скомкал. Был ли правдив... В том, о чем писал, сильно, считаю, не нагрешил. Хотя без грехов, как и все люди, не прожил. Смертного, надеюсь, не нажил. Если кому-то покажется, что человек я неплохой, пусть ему перепокажется наоборот и разделит совокупное на два - я там, в золотой середине. <>

Что день грядущий мне готовит? – пока себя самого. И это неплохо, учитывая ситуацию. В третий раз вспоминаю: не буду писать – умру. Вот и живу. <>

О творчестве Александра Кокшилова

Воронин В. Волны времени в масштабе личности / В. Воронин // Кокшилов А. В. До и После : стихи, поэмы. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 7-12.

<> Александр Витальевич Кокшилов – замечательный волжский поэт, чье мировосприятие во многом сформировалось советской эпохой и которое он не поторопился видоизменить в соответствии с модой времени. В 90-е годы волна, которая несла советских государственных поэтов, спала. Одни покончили с собой, другие изменили окраску. Казалось бы, время крушения идеалов, предательство народных интересов на всех уровнях должны были отозваться творческим кризисом, спадом, однако у Александра Витальевича произошло обратное. Получивший историческое и литературное образование поэт переживает творческий подъем, выпускает книги стихов и поэм, он сам теперь создает волну вокруг них своим правдивым, остро отточенным поэтическим словом, противостоя смраднему духу времени.

А. Кокшилов совершенно отчетливо видит сползание страны в пропасть, из которой нет возврата. Неприкрашенное изображение примет времени, жестковатый и резко критический взгляд на все происходящее на родной земле делает его лирику зеркалом нашей эпохи, плотно сомкнувшейся с уже пройденным. В стихотворении, относящемся к 1998 году, стрела времени обращается вспять, ползет назад. Возвели в абсолют Николая Кровавого, начавшего кровопускание в XX веке.

Век к концу, а мы в его начале,
Как жуки в прозрачном янтаре.
Николай Второй на пьедестале, –
А ведь взяли Зимний в Октябре...

<> Концепция смерти и бессмертия у волжского поэта пессимистична. В родной стране праведники не воскресают, но бесы, да, могут воскреснуть. Сопоставление двух смут в истории России начала XVII и конца XX века оказывается чрезвычайно интересным в "Метаморфозе". В последний момент Дмитрий Самозванец пробуждается от политического сумасшествия и пытается вернуться к обычной жизни: "Какая Мнишек, бес ее возьми, какая к черту шапка Мономаха?! Того не стоят лечь за них костями, никто еще не восставал из праха". Поздновато. С высот власти низвергается самозванец, и тогда проясняется, что "спасти его поляки не могли, а ведь казалось, сила, заграница!" (Обрыв. С. 30). Эта кажимость решительно отвергается. Но возникает другая: волею автора он воскресает в облике так и ненаказанного российского президента, пустившего под откос великую страну, и, вероятно, спасается. Ну, конечно же! Как и непотопляемый герой "Струи": "Он доказал партийцы не горят иль фениксами восстают из пепла" (Еду я. С. 115). Чего, увы, не скажешь о

народе. Остается надеяться на немудрящую игрушку – "Ваньку-встаньку", который все равно поднимется: "так уж он устроен прямо!" (Агитплощадка. Волгоград. 2004. С. 99). В стихах поэта отмечена и произошедшая с нашим обществом метаморфоза пути. Потеряв путь, оно постаралось забыть эту трагедию. Где-то в степи лирический герой встречает "позабытую насыпь и шпалы", недостроенную железную дорогу: "Не помочь ни движеньем, ни криком. Как внезапен обрыв колеи! Словно кто-то мечтал о великом, да оставил надежды свои" (До самосожжения сердца. Волжский, 1995. С. 91). Момент бессилия индивида передан здесь пластически осязаемо. Можно было бы помочь и движением, и криком, но роковая тишина подстерегла народ в самое неподходящее время. И выпала совершенно другая дорога, где "автобус наш взорвется скоро – ЧП уже произошло. Что толку проклинать шофера? Пора выдавливать стекло!". Это еще один мотив философии "Ваньки-встаньки", в поражении видеть возможность выхода и урока. Не плакать, не проклинать, а действовать.

Вот этой решительностью, вечной оппозицией тружеников к угнетателям и привлекает нас поэзия А. В. Кокшилова, отражающая свет единственной большой идеологии в России, упорно изгоняемой из сознания, но уходящая в подсознание и там смыкающаяся с вечной жаждой новизны и обновления.

Воронин В. Духи воскрешения в лирических мирах А. В. Кокшилова / В. Воронин // Кокшилов А. В. Стихотворения 2005-2009. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 6-12.

<> Ностальгия по прошлому, осмысление роковых промашек не только вождей, но и масс – вот одна из тем ряда сборников стихов А. В. Кокшилова: «Январь» (2006), «Скрижаль» (2007), «Оберег» (2008), «Счастливый случай» (2009), является противостояние ветру перемен, охвативших Россию с 90-х годов XX века...

<> Резкое переосмысление роли пророка дано в одноимённом стихотворении. Во многом оно противоположно пушкинскому пониманию, у которого, как мы помним, данный персонаж умаляется телесно, но оживает духовно. Совсем иной пророк у Кокшилова. Он возникает не из света, не из прозрений, а из тьмы. Он враждебен здравому смыслу, но почти по Тертуллиану («верую ибо абсурдно»), алогизм порождает разрушительную мощь: «Он здравому внушает страх, / Но столько мощи / В его видениях-речах, что стонет площадь». Это «полный психопат или шизофреник», призывы которого могут разбудить массовое зло, стать предвестником беды. Во все времена фанатики ложной идеи, называясь она всемирным господством или всемерным демократизмом обозначали свой путь неисчислимым количеством жертв. Поэтому умножение сил, умножение числа людей, подвластных идеям пророков нередко

оборачивалось их полным истреблением. В данном стихотворении А. В. Кокшилова толпа «всколыхнулась и пошла единым духом, не ведая, что – духом зла. Земля всем пухом». Устав от провидцев, лирический субъект приходит к жёсткому и не бесспорному решению: «Ох сколько было их в свой срок,/по переменке.../ Так кто ты? Говоришь: пророк?/ Давай-ка к стенке!».

<> Распад целого на части наблюдается и в стихотворении «Сердце». Утрачено органическое единство человека и его сердца. Последнее обретает самостоятельность: «Уже моих чурается забот, / Уже порою держится спесиво, / Оно, я знаю, первое уйдёт, / И я уже не вынесу разрыва»...

<> Трёхчастные переходы от одной противоположности к другой и обратно, колеблющийся цикл кризиса и восстановления, движения и покоя. В «Кризисе» останавливаются стрелки часов: «Время, не озвученное словом,/ Просто застывает на бегу». Поэт, как и Бог, должен поддерживать движение этого мира: «Не пишу, неужто в наказанье, / Да и Слово ныне не в чести, / Бренное.../ Жжёт всё-таки желанье /В воскресенье Время завести»...

<> Жёсткая и жестокая реальность передаётся автором не в декларативных заявлениях «плакатного пера», а, например, вымыванием памяти лирического героя о бывшей возлюбленной («Не помню»). Её портрет дан в ключе возникновения и одновременного исчезновения отличительных черт женщины. И это двойная трагедия: она не смогла остаться в памяти, а он её не запомнил.

Личная тема, как всюду и всегда в лирике поэта, имеет свои проекции в общественном бытии и сознании.

Кажется, для поэта не существует проблемы поиска темы... У А. Кокшилова поэт просто внимательно всматривается в мир, и тот сам приходит в его творчество. Во всех своих измерениях реальных и фантастических...<>

И здесь можно отметить, что приметы действительности, времени в стихах А. Кокшилова не есть документальная фотография, они осмыслены поэтически, и зачастую «деталь» в своём обобщённом виде становится зримым явлением. Таковые «Муравей», «Вопрос», «Вьюга», «Вот ёлки уже не горят», «На днях», «Знамение», «Крошки», «Форточка», «Плач» и многие, многие другие.

Среди фантастических координат превращений показана русская возможность невозможного: «- Глазам не верю: надо же – живой, / А ведь наемдни крышкою накрылся! /- На кладбище не взяли – выходной. / Вставать пришлось. А после / расходился» («Из случайно подслушанного»). Мы имеем здесь дело с трёхчастным циклом *жизнь – смерть – воскрешение* со своеобразным древнейшим архетипом литературного сюжета, и имя Гоголя, и намёки на слова Пушкина, и Мессия – всё здесь у места.

Велика у поэта жажда обратить время вспять, переспорить мутирующую историю России, защитить Родину, «утекающую сквозь пальцы». Об этом, собственно говоря, все три поэмы «Января»: серьёзные – «Государь» и «Иосиф», забавное «Телеинтервью». <>

<> Поэтический диапазон поэта весьма широк – от гражданской лирики до той же любовной, пейзажной, даже философской. И поэтому книги А. Кокшилова интересны уже самой этой «фактурой» <>

Воронин В. Александр Кокшилов: русский поэт на стрежне исторического времени / В. Воронин // Кокшилов А. В. Стихотворения. 2010 - 2014. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. – С. 5-12.

Хорошо известно, что А. Блок рассматривал общий свод своих стихотворений как единое целое, как своего рода роман собственной жизни и творчества. Во многом это внутреннее единство свойственно и творчеству Александра Витальевича Кокшилова (р. 1945), автора трёх больших томов, по-своему завершающих его роман с девушкой по имени жизнь в её лирическом и трагическом аспекте. Три тома – это уже собрание сочинений, классический объём. Писать стихи он начал ещё мальчиком, и, по его словам, от ученических пор сохранилось несколько сотен стихотворений. Он никогда их не публиковал, но они сыграли свою роль в качестве поэтической школы. Как и знаменитая волгоградская поэтесса Маргарита Агашина, родом Александр Кокшилов из Заволжского района Ярославля.... Как поэт состоялся в городе Волжском, но всю его поэзию можно связать с великой Волгой, а шире с пространством именуемом теперь Россией, а прежде Советским Союзом. Печатное же крещение поэт получил уже в армии, послав своё стихотворение в газету Сибирского военного округа в Новосибирск. Под именем своего сослуживца. Стесняясь, или предполагая, что отцы-командиры могут не оценить появление муз в их весьма серьёзной воинской части. Но всё обошлось. Товарищ даже получил гонорар, и они использовали его для покупки булочек и сгущёнки. В Литературном институте им. Горького СП СССР его взыскательным учителем был замечательный русский поэт лауреат Ленинской премии Егор Исаев. В Волгограде значительными событиями стали встречи с М. Агашиной, с Ю. Окуневым, с Ф. Суховым. Первая книга вышла в 1979 году. Публиковался в «Юности», «Студенческом меридиане», «Нашем современнике», «Комсомольской правде», «Советской России», отмечался как талантливый поэт такими ценителями стиха как С. Наровчатов, В. Дементьев, В. Сидоров, Н. Старшинов. Жизнь побросала Александра Витальевича по различным городам и весям, испытала его на излом в целом ряде должностей и профессий, ибо как обречённо вздыхает один из его лирических персонажей: «Всегда в петле, кто борется со злом». Но и в таких обстоятельствах поэт не капитулирует, а продолжает этому злу противостоять.

Более того, будучи Личностью и в поэзии, и в жизни, и в своём мировоззрении, А. Кокшилов не считает наступивший в России период как бы либеральной демократии «не своим». Отнюдь! И об этом у него немало стихов, да и поэм. Прочитую одно лишь, вошедшее в данный однотомник (из книги «Слово и Дело», 2012 г.)

Говорят, бытиё,
Задолбала эпоха...
Это Время – моё
До последнего вздоха!

Я его не отдам
В загребущие руки
Никаким господам.
Пусть завидуют, суки –

Как на мой кровный счёт,
Не в каком-то офшоре,
Волга вольно течёт,
Как в Каспийское море!

Впечатляющий пример гражданской лирики, в русле классической русской, да и не только. Естественно, «господа» не согласны, злобятся. Имеют право. А вот большинство читателей солидарны...

<> Может быть ... лучше уклониться, уйти в сторону, но лирический герой убеждает, что вернуться нельзя, ибо беда обступила нас со всех сторон: «Кольцо огня становится всё уже, / В нём только смерть, и ты не говори, / Не убеждай меня, что мы – снаружи, / Мы – там внутри». Но неизбежность личного поражения меньше всего волнует автора. Совершенно другое дело – поражение страны. Хотя в кривом зеркале политики поражение есть победа. <> Лирический герой А. Кокшилова всегда в оппозиции господствующим идеям эпохи, держится от них в стороне, чтобы быть «философичнее и серьёзнее истории», согласно требованию Аристотеля. Он организует свои пересмотры истории, которую в угоду текущему моменту пересматривают политики. Поэзия А. Кокшилова – увесистая пощёчина собачко-ельцинской своре, предавшей свою страну и свой народ. Некрасовская традиция обличительной, гражданской лирики нашла в его творчестве своё прямое продолжение. Это поэт действительности, зовущий к битве за настоящее: «Вчера – ты в нём уже не волен, / А «завтра» может и не быть. / «Сегодня» – ты в нём в поле воин / И даже можешь победить». Строки стихотворения «Царь» коротки как выстрелы. Это железная поступь истории, которая судит и подлецов, и героев по делам их: «В крови Ипатьевский подвал, / Страна в провале... / Россию он не удержал и расстреляли. / За эту только лишь вину. / А всё

иное... / Свою не удержать страну! / Да за такое...». Как печальник родной земли, А. Кокшилов тяжело переживает её поражения и беды, беспощадно критикует нынешних её властителей и покорный народ, продолжает разбрасывать свои листовки предупреждения: «Час не ровён, о Русская земля, / В песок горюч уйдёт твоя основа – / В России только три богатыря, / И все – с картины Васнецова»...

<> И, может быть, это даже не один потерянный век, а четыре: «И значит, снова кровь и пот, и новая династия, Полтавский бой, на Крым поход и на Кавказ оказия?». Ну что ж? Поход на Крым состоялся, Полтавский бой, похоже впереди. Поэт по-своему видит грядущее. История может пойти вспять и дальше, в тупик к старому смутному междоусобию заходит не только время, но и пространство, ибо, где «князья, охочие до драки, русская кончается земля». Но князьям-то этого не понять! Одёрнуть бы их, да некому! Подчас, кажется, преувеличивает автор. Вчитавшись же, понимаешь, что не потери пространства или времени беспокоят поэта. Очерствение человеческих душ, кукольный характер людей – в средоскрестии и его критического прицела. Пропало, испарилось то в человеческих душах, что позволило герою А. Н. Толстого из «Хождений по мукам» сказать, что «уезд от нас останется, – и оттуда пойдёт русская земля». В стихах звучит нота сожаления о том, что в критический момент Родина не позвала его защищать себя, когда потомки Отрепьевых разваливали её. Отсюда боль и презрение к собственной столице, столь отчётливо выраженное в цикле «Москва кабальная»: «Москва, Москва! / Любил её с рожденья / И тяжело до смерти не любить». Два значения слова «до смерти», означающие срок и силу ненависти как бы умножаются в этих строчках...

<> Постоянная тема автора, как и многих больших и малых поэтов, – быстротечность времени, не оставляющего человека без изменений, часто далеко не в лучшую сторону. Но А. Кокшилов подмечает и другую сторону явления: «Я замечаю на исходе дней / Всё легче бремя бренности моей». Остро ставится вопрос о человечестве, как о тупиковой ветви эволюции. В книге «До востребования» особенно своеобразен могильный триптих, в котором у последней черты совмещаются плачущий премьер на могиле Собчака, Христос, осуждаемый на жизнь, и прощание с телом Сталина. Пророки и тираны уравниваются в кавардаке мироздания. Мессия не встретил ни сочувствия, ни понимания у большинства народа, и Бог любви и прощения умирает с напутственным словом автора: «Держись, непризнанный, держись, / Коль отказали в милосердьи, / Любовь, конечно, дарит жизнь / Но только ненависть – бессмертье»...

<> В основном, лирический герой – патриот и интернационалист. С одной стороны, он и возносит родной ему славянский народ, с другой не закрывает глаза на его очевидные недостатки. Катаклизм для него это не нашествие эмигрантов, а полная сдача позиций жителями родной земли: «А на скамейках, / словно бандерлоги, / Славян потомки, пьяные с утра:

«Эй, гражданина, поднимайте ноги!..» / А может руки поднимать пора». Но самое интересное в «Катаклизме» – это то, что автор сводит будничную реальную картинку с фантастической. И значит, реальность оказывается под вопросом, ибо соприкасается с таким положением вещей, когда «Дождь снизу вверх, вспять повернули реки».

Женская тема занимает особое место в творчестве А. В. Кокшилова. Все они – молодые и старые, проститутки и полицейские, реальные и нарисованные, святые и грешные удостоены острого писательского взгляда. Пристально следит лирический герой и за извилами своего подсознания. Вот озорник бес нашептывает помочь женщине: «Ей тяжело от собственной груди, / Идёт пригнувшись, ничему не рада. / Подумал, не помочь ли донести – / И ей полегче, да и мне награда». Однако на лирику наступают физика со своей формулой работы, и романтика пропадает: «А если километры на пуды / Пересчитать, то леший надорвётся». И мужчина пасует. Переключка с Некрасовым очевидна и в мотиве величия русской женщины, но только у А. Кокшилова победный конец связан с трагедией: «Громче ответствуйте, колокола, / И до предела: / Русская женщина в избу вошла – / И сгорела». Неожиданный резкий излом происходит с переводом общественного символа в личную плоскость сугубо индивидуального остро щемящего горя: «Жизнь положила – и дом устоял, / Дети со мною... / Я-то её просто Любочкой звал, / Просто женою». Беда с любимой, заболевшей неизлечимой болезнью, приводит к резкому изменению взглядов лирического героя, он, в «Господа, не верящий досель», надеется на Бога и Чудо. И это по-человечески понятно, в такой ситуации и за соломинкухватишься, а не только за «руки наискуснейших хирургов».

Он сейчас просто человек, теряющий любимую, не слышащий ни логики, ни символики, ни самого себя. Это ещё раз подчёркивает пугающую безнадёжность положения: «Она ушла путём Христа, / Болезнь распяла. / Я целовал её в уста, / Она не встала». Однако тяжкое испытание, выпавшее на долю поэта, преодолевается тем, что любимая продолжается в его памяти и творчестве. В духе Тютчева. До своего победного конца.

Дальнейшее развитие эта тема получила в стихах 2014 г., объединённых в данном однотомнике в разделе-книге «Я твой перископ из глубин», три четверти в нём – «стихи о Любочке». Кстати, книга «Любочка» вышла в 2013 г., стихи из неё, в хронологическом порядке, вошли в данный однотомник. Так вот, многие «вещи» настолько впечатляют, что хотелось бы их цитировать и цитировать...

Молча горе прячу,
Не проходит вдруг.
Ты прости, что плачу –
Режу лук,
Злой до слёз по нраву,
Жгучий сукин сын...

Будет борщ на славу,
Буду есть один,
На пустое глядя
Место на виду...
И чего я ради
Соли не кладу.

Блестящее, пронзительное лирическое стихотворение! И это при том, что как бы построено на всего лишь двух-трёх бытовых по-житейски деталях, очень спокойное по интонации, без надрыва-крика. Доходит же до читательского сердца, вызывая ответную реакцию, сопереживание. Как, каким образом написались эти непритязательные на первый взгляд строки, не объяснит ни литературный критик, ни, думаю, сам поэт. Поэтическое чудо не объясняется...

Вклад А. Кокшилова в современную лирическую поэзию несомненен и весом. Закончить же эту небольшую вступительную статью-предисловие считаю логичным стихотворением о русском народе, из раздела же «Я твой перископ из глубин». Собственно, возвращаюсь к тому же с чего и начал, к гражданской лирике, как бы закольцовывая. К слову, стихов на данную тему у А. Кокшилова предостаточно и цитируемое ниже не дополнение, а ещё один поэтический взгляд-грань.

Не убудет воды в колодце,
Зачерпни из него ведром.
Без меня народ обойдётся,
Не убудет народ числом,
И талантами не убудет,
И руками на тыщу дел.

Но, наверное, не забудет,
Если я за него радел –
И талантом, да и руками,
Изо всех – приходилось! – сил.
Я о нём говорил стихами...

Без него б я не полон был –
На три четверти неполноценен,
Неталантлив наверняка,
Без судьбы, тут уж я уверен...
Как колодец без родника.

Всю-то жизнь, как единым днём:
Жив народ – ну и я при нём.
Да и с будущим всё в порядке:

Без могилы и без оградки.

Хотел бы лишь кусками процитировать из него, не получилось – слишком оно органично-цельно, и вырванные из контекста строчки полного впечатления о нём не дадут. Но оно, без сомнения, – поэтическая удача и, кроме того, гражданский поступок.

Нынешний год для замечательного русского поэта А. Кокшилова – юбилейный, очень, по возрасту и литературному стажу, юбилейный, и он может, как бы оглядываясь через плечо, подытожить, быть по-своему удовлетворенным – не закопал талант в землю, не использовал его конъюнктурно, его поэтическая делянка видна издалека и без сорняков. Однако этого, взгляда через плечо, ему явно недостаточно. А потому итожит соответственно:

Жизнь положив на эту канитель,
Я снова начал с чистого листа!

Будков О. Стояние на миру / О. Будков // Волжская правда. – 2012. – 20 сент.

«Это время трудновато для пера», – писал в тридцатые годы прошлого века великий Маяковский. Не предугадал тогда Владимир Владимирович, что наше время будет для пера еще труднее. Ведь поэзия как жанр в должной мере не востребована ни государством, ни «демократическим» обществом. Большинство поэтов среди хаоса «выживания», крушения нравственных идеалов потеряли веру или, как хамелеоны, изменили творческую окраску.

Но, к нашему великому счастью, еще существуют поэты и поэзия, подтверждающие лучшие качества человека, ведь «поэт в России (имеется в виду истинный. – Авт.) больше чем поэт». Кокшилов относится к таким.

По моей строительной профессии и по увлечениям мне часто приходится общаться с разными социальными слоями теперешнего общества. И когда заходит разговор «за жизнь», я нахожу убедительные и «прозренные» ответы в стихах и поэмах Александра Кокшилова и цитирую их. «Так это же про нас написано», – сказала мне женщина-водитель, прочитав поэму «Кукла». «А эти стихи про нас», – говорят мне мои друзья-охотники и бахчеводы из Дубовки. «Передайте Кокшилову, что он гений», – напутствует меня в дорогу известный эльтонский егерь, мужественный защитник природы, орнитолог, сотрудничающий с Российской академией естественных наук, Виктор Андреевич Лопушков.

«Ваше творчество – выражение мыслей и души русского человека. Вы делаете трудное, необходимое дело на многие годы вперед, это ваш крест до конца жизни. Вы – голос России», – пишет в письме бывший волжский

прокурор, заслуженный юрист, ныне работник президентской юридической службы В. А. Чемерикин.

Высокую профессиональную оценку творчеству поэта дает литературный критик, профессор Волгоградского государственного университета В. С. Воронин, называя лирику Кокшилова зеркалом нашей жизни.

Вот она – действительная поэзия в жизни и жизнь в поэзии, о которой неоднократно писал и говорил нам на литературных семинарах в Волжском известный советский поэт, наш земляк, быковчанин Михаил Кузьмич Луконин.

А жизнь с ее печалью и радостями Кокшилов знает не понаслышке. Рабочий шинного и трубного заводов, партийный секретарь цеховой организации, историк, педагог, выпускник Литературного института Союза писателей СССР, редактор Нижне-Волжского книжного издательства, журналист, поэт широкого диапазона – от любовной до высокой гражданской лирики. Вот почему все подлинно в его поэзии: и боль, и радость, и любовь.

Мне рассказывали, что когда он читал свою поэму «Звезда над Доном», посвященную 60-летию Великой Победы, журналисты-женщины редакции газеты «Волжская правда» не могли сдержать слез. И надо особенно отметить, что читает он свои произведения мастерски, а это большая редкость для поэтов.

Последняя, вышедшая три месяца назад, книга стихов Александра Кокшилова называется «Слово и Дело».

«Все описал,
не жалеючи слов,
Факты привел,
как мне совесть велела.
Вот и донос
для потомков готов:
«Слово и Дело!»,
«Слово и Дело!»

Да, слово у поэта не расходится с делом, это ясно и для дня сегодняшнего, ибо «стояние на миру» – пожизненный крест Кокшилова. Неси его, дорогой Саша, во славу нашей Отчизны!

Произведения А. В. Кокшилова

1. Кокшилов А. Агитплощадка : стихотворения, поэмы / Александр Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. – 260 с.
2. Кокшилов А. А до неба душой подать : новые стихи / Александр Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2019. – 182 с.
3. Кокшилов А. В единственном числе : стихи / Александр Кокшилов. – Волжский, 1994. – 31 с.
4. Кокшилов А. До востребования : новые стихи / Александр Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – 154 с.
5. Кокшилов А. До и После : стихи, поэмы / Александр Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 668 с.
6. Кокшилов А. До самосожжения сердца : избранные стихи / Александр Кокшилов. – Волжский, 1995. – 275 с.
7. Кокшилов А. Звезда над Доном : поэма / Александр Кокшилов. – Волгоград, 2005. – 40 с.
8. Кокшилов А. И начнется в России работа... / Александр Кокшилов. – Текст : электронный // Отчий край. – 2020. – № 2. – С. 25-27. – URL: <https://culture.volgograd.ru/upload/iblock/1ae/%D0%9E%D1%82%D1%87%D0%B8%D0%B9%20%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%20%E2%84%962%202020.pdf> (дата обращения: 30.10.2020)
9. Кокшилов А. Казнить нельзя помиловать : криминальные рассказы / Александр Кокшилов. – Волжский : Старая башня, 2005. – 392 с.
10. Кокшилов А. В. Любочка : лирика / Александр Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – 47 с.
11. Кокшилов А. Миллениум : стихи / Александр Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – 228 с.
12. Кокшилов А. Нас догоняет свет : новые стихи / Александр Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. – 135 с.
13. Кокшилов А. Оберег : стихи / Александр Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – 226 с.
14. Кокшилов А. Обрыв : стихи / Александр Кокшилов. – Волгоград : Комитет по печати и информации, 1998. – 72 с.
15. Кокшилов А. Родине поклон : стихи / Александр Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2018. – 128 с.
16. Кокшилов А. Рядом с музой шесток : субъективное о личном, о поэзии / А. Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. – 348 с.
17. Кокшилов А. Сердечные известия : стихотворения / Александр Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. – 158 с.
18. Кокшилов А. В. Скрижаль : стихи / А. В. Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – 228 с.
19. Кокшилов А. Слово и дело : новые стихи / Александр Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – 129 с.
20. Кокшилов А. Стихи / Александр Кокшилов // Отчий край. – 2004. – № 2. – С. 159.

21. Кокшилов А. [Стихи] / Александр Кокшилов. – Текст : электронный // Юность. – 1979. – № 1 – С. 77. – URL: https://unost.org/wp-content/uploads/2019/11/1979_01.pdf (дата обращения: 30.10.2020).
22. Кокшилов А. Стихотворения. 2005 - 2009 / А. В. Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – 640 с.
23. Кокшилов А. Стихотворения. 2010–2014 / А. В. Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. – 548 с.
24. Кокшилов А. Счастливый случай : новые стихи / А. В. Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 190 с.
25. Кокшилов А. Час не ровен / Александр Кокшилов. – Текст : электронный // Наш современник. – 2014. – № 7. – С. 183. – URL: https://reading-hall.ru/nash_sovremennik/72014.pdf (дата обращения: 30.10.2020).
26. Кокшилов А. «Шепчу драгоценное имя...» / А. В. Кокшилов. – Текст : электронный // Отчий край. – 2019. – № 3. – С. 85-88. – URL: https://otchiykray.ucoz.net/publ/vypuski_zhurnala_za_2019_god/3_2019/shepchu_dragocennoe_imja/10-1-0-138 (дата обращения: 30.10.2020).
27. Кокшилов А. Это я : новые стихи / Александр Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. – 167 с.
28. Кокшилов А. Январь : стихи и поэмы / Александр Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – 232 с.

Литература о жизни и творчестве А. В. Кокшилова

- Бахтин А. И подарил поэт свою книгу / А. Бахтин // Волжская правда. – 2014. – 19 июня. – С. 12.
- Бахтин А. И лиц знакомых голоса / А. Бахтин // Волжская правда. – 1977. – 12 нояб. – С. 4.
- Бондарева Н. «Это Время – моё» / Н. Бондарева // Волжское обозрение. – 2012. – 27 сент. – С. 17.
- Будков О. Книга пущена в народ / О. Будков // Волжская правда. – 2019. – 31 июля. – С. 20.
- Будков О. Стояние на миру / О. Будков // Волжская правда. – 2012. – 20 сент.
- Воронин В. Александр Кокшилов: русский поэт на стрежне исторического времени / В. Воронин // Волжская правда. – 2015. – 13 авг. – С. 11.
- Воронин В. Александр Кокшилов: русский поэт на стрежне исторического времени / В. Воронин // Кокшилов А. В. Стихотворения. 2010 - 2014. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. – С. 6-12.
- Воронин В. Духи воскрешения в лирических мирах А. В. Кокшилова / В. Воронин // Кокшилов А. В. Стихотворения 2005-2009. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – С. 5-12.
- Воронин В. Волны времени в масштабе личности / В. Воронин // Кокшилов А. В. До и После : стихи, поэмы. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 7-12.
- Кокшилов А. Рядом с музой шесток : субъективное о личном, о поэзии / А. Кокшилов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. – 348 с.

Кокшилов А. «Среди поэтов дураков нет» : [беседа с волжским поэтом А. Кокшиловым / записала Е. Томская] // Волжская правда. – 2019. – 30 янв. – С. 8.

Кокшилову – 70 лет! // Волжская правда. – 2015. – 29 сент. – С. 4.

Родник : сборник стихотворений победителей читательского конкурса / вступительная статья С. Наровчатого. – М. : Правда. – 64 с.

Фараджева Ю. «Вот поэт, он славен речью...» / Ю. Фараджева // Волжская правда. – 2016. – 2 июня. – С. 8.

